

DOI 10.35775/PSI.2025.74.9.014

УДК 32.327

ДЖАВАД ЗЕРААТ ПЕЙМА

аспирант кафедры политологии

Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, Иран, г. Тегеран

О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ВНУТРИ- И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ИРАНА

В течение последних лет с учетом эволюционных процессов развития внутри- и внешнеполитического курса Ирана значительные изменения привели к структурным преобразованиям. Структурные и процессуальные перемены в иранской внешней политике влекут значимые последствия для международных отношений Ирана как на региональном, так и глобальном уровнях. Автором выделяются и обосновываются четыре структурных преобразования внешней политики нормативные, институциональные, функциональные и личностные изменения в рамках тенденций по централизации, авторитаризму и милитаризации.

Ключевые слова: внешнеполитический курс, внешняя политика, Иран, региональная политика, структурные преобразования.

В течение последних лет с учетом эволюционных процессов развития внутри- и внешнеполитического курса Ирана значительные изменения привели к структурным преобразованиям.

В январе 2024 г. парламентом был ратифицирован новый «план развития» Ирана, освобождающий от координации с министерством иностранных дел своей зарубежной деятельности несколько государственных учреждений, в частности Министерство разведки, вооруженные силы и Организацию по атомной энергии Ирана (ОАЭИ) [18]. Совет Стражей, руководствуясь негативным восприятием данного плана со стороны специалистов и лобби МИД, обратился к парламенту с просьбой оставить министерству разведки и ОАЭИ обязательные требования по координации своих действий с МИД Ирана. Однако это не коснулось вооруженных сил [1].

Новая расстановка сил по факту поставила под сомнение роль МИД и его авторитет. В свою очередь преследование различными государственными институтами собственных интересов и целей усилили неразбериху и фрагментацию на фоне отсутствия надлежащего надзора и координации. По мнению бывшего министра иностранных дел Мохаммада Джавада Зарифа (администрация Х. Рухани), в Иране «у каждого министерства есть свое собственное министерство иностранных дел» [14] и «есть две внешние политики: одна принадлежит министерству иностранных дел, а другая – министерству внутренних дел Ирана» [14].

Так, в правовом поле обозначилась тенденция формального изменения правовых рамок и институциональных механизмов формирования иранской внешней политики.

Роль Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ) наоборот стала расти. Исторически он был лидером по достижению консенсуса в сфере внешней политики и обеспечения безопасности, поэтому не удивительно, что он стал все чаще брать в свои руки непосредственный контроль по ключевым стратегическим вопросам, в том числе связанным с Россией и соседними государствами. В период с 2003 по 2013 гг. во время ядерных переговоров с Западом ВСНБ был главным переговорщиком Ирана по ядерной программе, но при бывшем президенте Х. Рухани ядерный портфель получила администрация под руководством М.Д. Зарифа [2].

ВСНБ восстановил свою значимость как основного участника ядерной дипломатии к 2021 г. С 2020 по 2021 гг. при правлении Х.Рухани (уже после выхода США в 2018 г. из СВПД) общая роль ВСНБ по выработке внешней политики в целом была усилена, что продолжилось и при президенте Раиси.

По неофициальным данным, после избрания президентом США Джо Байдена иранское МИД было отстранено от участия в переговорах по возобновлению действия СВПД, потому что отчет иранской команды о ходе переговоров проводился минуя МИД непосредственно перед ВСНБ. В марте 2023 года Али Шамхани, бывший секретарь ВСНБ, сыграл ключевую роль в подписании ирано-саудовского соглашения о разрядке напряженности. При новом секретаре Али Акбаре Ахмадиане (бывшем командующим КСИР), ВСНБ сохранил свою активную роль в различных вопросах внешней политики на региональном поле, в том числе с Арменией и Ираком, и во взаимодействии с Россией как в рамках двусторонних отношений, так и по вопросам безопасности в рамках БРИКС и ШОС, постепенно формируя обновленную стратегию безопасности, которую можно назвать «Смотри на Восток» [22] как сопротивление в ответ на давление Запада.

В этой связи можно говорить об изменении институциональных ролей и процедуры по разработке и осуществлению иранской внешней политики.

Влияние КСИР на формирование внешней политики тоже возросло. Превращение внешнеполитического аппарата в простого агента КСИР и его региональную стратегию по факту привело к дихотомии «поле боя против дипломатии» [4]. По этому поводу М.Д. Зариф обеспокоенно высказался, что КСИР часто вмешивался и саботировал дипломатические усилия МИДа [7]. Данный сдвиг стал более институционализирован и заметен при администрации И. Раиси.

Хосейн Амирабдоллахиан (бывший министр иностранных дел) имел тесную связь с силами КСИР в Кудс [20] и считал политику между дипломатией (МИД) и полем боя (КСИР) гармоничной в плане регионального курса поддержки Оси сопротивления и противодействия Израилю и США [3]. Но такая гармония и координация по факту привела к подчинению дипломатии МИД непосредственно КСИР, что стало очевидным 13 апреля 2024 г. после ответного ракетного удара Ирана и беспилотника по Израилю. Тогда КСИР (а не МИД) вызвал посла

Швейцарии в Тегеран в нарушение дипломатического протокола, чтобы передать США послание [10].

Данные обстоятельства свидетельствуют о функциональных изменениях в рамках внешнеполитических норм и практики, которые оказывают соответствующее влияние на функционирование и роль различных государственных институтов.

В рамках ротации политических фигур были вынуждены покинуть свои посты Али Шамхани и Али Лариджани, которые при предыдущих администрациях сыграли важную роль во внешних отношениях Ирана [12]. В период с 2013 по 2023 гг. (при президентстве Х. Рухани и И. Раиси) А. Шамхани возглавлял секретариат ВСНБ и непосредственно содействовал диалогу Ирана с Саудовской Аравией и переговорам по СВПД. А. Лариджани с 2008 по 2020 гг. (при президентстве М. Ахмадинежада и Х. Рухани) занимал должность спикера парламента, был специальным посланником верховного лидера, в 2021 г. сыграв ключевую роль в заключении с Китаем стратегического соглашения о 25-летнем сотрудничестве [8]. К таким перестановкам в политической системе в частности привела подготовка к смене власти в рамках переходного периода после ухода Али Хаменеи, когда оставление независимых политических фигур могло нарушить долгосрочные планы КСИР [6], что в частности свидетельствует о централизации власти в руках консервативных или бескомпромиссных политических фракций, а также маргинализации умеренных и прагматичных голосов в системе. Поэтому можно говорить о важных структурных изменениях в круге ключевых политических лиц (личностном), связанных с проведением внешней политики.

Подытоживая вышесказанное, можно выделить четыре структурных преобразования внешней политики: нормативные, институциональные, функциональные и личностные изменения. Структурные и процессуальные перемены в иранской внешней политике влекут значимые последствия для международных отношений Ирана как на региональном, так и глобальном уровнях. Данные последствия можно соотнести с доминирующими в иранской политике ключевыми тенденциями последних лет.

Снижение влияния МИД на фоне возрастания значимости ВСНБ и КСИР свидетельствуют о переходе к более милитаризованным внешнеполитическим стратегиям для обеспечения безопасности в ущерб традиционным дипломатическим каналам.

В рамках тенденции по централизации власти во всех институтах правительства и ветвях власти растет доминирование радикальных или консервативных группировок. Данный процесс получил название «очищения», поскольку его целью является устранение оппозиционных голосов с политической сцены [17]. В результате внешнеполитические решения стали менее оспариваемыми внутри политической системы и согласованными. Различия в институциональных и индивидуальных мнениях не препятствуют работе друг друга, поскольку их объединяет единство стратегического и идеологического видения, ярким примером чему стало сближение Ирана с Саудовской Аравией. Так, Х. Рухани

многое сделал для улучшения взаимоотношений с Саудовской Аравией и арабскими соседями, но из-за внутреннего противодействия со стороны непримиримых соперников его инициативы не получили поддержки [16]. С другой стороны, к более значимым изменениям в отношениях Ирана с его соседями привели региональные дипломатические усилия И. Раиси, поскольку они имели поддержку как со стороны верховного лидера, так и со стороны КСИР.

Растущий антизападнизм как тенденция связан с откровенно антиамериканским идеологическим подходом, в рамках которого Запад, в частности США, рассматривается как слабеющая держава, с которой ввиду этого нет необходимости улучшать отношения [15]. Приоритетным остается укрепление отношений с представителями восточных сил, в частности с Китаем и Россией. Если при Х. Рухани важным стало налаживание отношений с Западом и возрождение СВПД для ослабления давления с одновременным поиском альтернатив на Востоке, то при президенте И. Раиси внешняя политика была направлена на Восток как сопротивление в рамках оптимального ответа на западное давление, и Иран по отношению к Западу занял более вызывающую позицию [13]. В приоритете стало укрепление связей с негосударственными союзниками, а также взаимодействие с глобальными и региональными державами, которые поддерживают иранские ревизионистские амбиции [19. Р. 10-38]. Президентство М. Пезешкиана обещает возвращение к политике Х. Рухани, но практическое воплощение можно будет увидеть только через несколько лет в свете влияния ряда других факторов и переменных.

Так или иначе сами по себе кампания «максимального давления» и выход США из СВПД свидетельствуют о стратегической перекалибровке иранского внешнеполитического истеблишмента.

Следствием растущего влияния на политику Ирана со стороны КСИР стала тенденция милитаризации, следствием чего является радикализация глобальной и региональной политики. Так, в январе 2024 г. для передачи дипломатических сообщений были использованы ракетные удары по Пакистану и иракскому Курдистану и была усилена поддержка партнеров по «Оси сопротивления» [21]. Обострение конфронтации с Израилем, приведшее к 12ти дневной войне и официально завершившейся 24 июня 2025 г., переведя отношения в более латентную фазу. Несмотря на планируемое создание рычагов воздействия на конкурентов и усиление сдерживания посредством радикальных политических решений, их негативным проявлением остается эскалация конфликтов и напряженности, влекущая к ответным мерам, последующим санкциям и изоляции со стороны международного сообщества.

С централизацией власти частично связана тенденция авторитаризма на фоне ограничения политической и социальной активности, а также ужесточения репрессий в отношении гражданского общества (в частности подавление общественных протестов в 2022 г.). Данная тенденция сопровождалась стратегическим сближением с Россией и Китаем, которые оказывают поддержку Ирану в контроле за взаимодействием в сфере кибернетики, разведки

и киберпространства [9], ограждая тем самым от внутренних и внешних угроз через социальные сети и Интернет, в том числе позволяя противостоять международному давлению в связи с нарушениями прав человека.

В 2025 г. иранская ядерная программа вышла с позиции источника региональной напряженности на уровень ключевых факторов геополитического влияния в свете усиления хрупкости баланса на фоне обострения стратегического и энергетического соперничества между Китаем, США и Россией. Если интерес США связан с контролем за энергопотоками для ослабления Китая и России, для других игроков – это перспективы влияния на распределение сил в регионе, то для Ирана – это возможность получить экономическую разрядку. Частичная отмена санкций наряду с допуском иранской нефти на мировой экономический рынок могут стать приемлемым компромиссом для заморозки ядерной активности во имя получения экономической передышки. Разрешение продажи иранской нефти Индии вместо российской может дать США большую выгоду против России.

Выводы. С учетом тенденций по централизации, авторитаризму и милитаризации внешняя политика Ирана пока направлена на утверждение регионального влияния через сочетание дипломатических инициатив и военного присутствия, а также укрепления союзов с восточными державами. Однако изменение баланса сил на фоне противостояния России западным державам, может стать выгодным для Ирана для ослабления западного экономического давления и привести к смене парадигмы отношений с Западом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. All Agencies Are Required to Coordinate and Cooperate with the Ministry of Foreign Affairs. ISNA. 2024 // <https://www.isna.ir/news/1402110805456>.
2. **Azadeh Eftekhari.** Nuclear File: Commuting Between the National Security Council and the Ministry of Foreign Affairs Under the Leader's Supervision. Independent Persian. 2021 // <https://www.independentpersian.com/node/163491>.
3. **Dr. Amir Abdollahian.** Meets with a Number of Officials of Various Palestinian Groups Based in Damascus, Ministry of Foreign Affairs. 2024 // <https://mfa.gov.ir/portal/newsview/739795>.
4. **Ebrahim Shamshiri.** Diplomacy and Field: Contrast or Synergy. Mehr News Agency. 2024 // <https://www.mehrnews.com/news/6080255>.
5. **Grajewski N.** Iran's Hormuz Peace Endeavor and the Future of Persian Gulf Security. European Leadership Network (ELN). 2020 // <https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/irans-hormuz-peaceendeavor-and-the-future-of-persian-gulf-security/>.
6. **Hamidreza Azizi, Erwin van Veen.** Fifty Shades of Hardliners: Intra-Elite Dynamics in Iran. Clingendael Institute (blog). 2023 // <https://www.clingendael.org/publication/fifty-shades-hardliners-intra-elite-dynamics-iran>.

7. In Leaked Recording, Iran's Zarif Criticizes Guards' Influence in Diplomacy. Reuters. 2021 // <https://www.reuters.com/world/middle-east/leaked-recording-irans-zarif-criticises-guards-influence-diplomacy-2021-04-26/>.
8. Iran and China Sign 25-Year Cooperation Agreement. Reuters. 2021 // <https://www.reuters.com/article/idUSKBN2BJ0HG/>.
9. Iranian Parliament Approves Information Security Deal with Russia. Iran International. 2023 // <https://www.iranintl.com/en/202312105187>.
10. IRGC Breaks Protocol, Summons Swiss Ambassador Amid Attack on Israel. Iran International. 2024 // <https://www.iranintl.com/en/202404187350>.
11. **Khoshcheshm M.** Shattered Hegemony: Failure of Three Decades of US Intervention in the Region. Khamenei.ir. 2023 // <https://english.khamenei.ir/news/9748/Shattered-hegemony-Failure-of-threedecades-of-US-intervention>.
12. **Maziar Motamedi.** Iran's Security Chief Shamkhani Replaced After Almost 10 Years. Al Jazeera. 2023 // <https://www.aljazeera.com/news/2023/5/22/irans-security-chief-shamkhani-replaced-after-almost-10-years>.
13. **Mohammadbagher Forough.** Raisi's Foreign Policy: Pragmatic Revolutionism and the Iranian Pivot to Asia, Policy Paper. Hamburg, Germany: German Institute for Global and Area Studies (GIGA). 2021 // <https://www.giga-hamburg.de/en/publications/giga-focus/raisi-s-foreign-policy-pragmatic-revolutionism-iranian-pivot-asia>.
14. **Mohammad Javad Zarif.** Every Ministry Has Its Own Foreign Ministry. Asr Iran. 2024 // <https://www.asriran.com/fa/news/948624>.
15. **Mostafa Khoshcheshm.** Shattered Hegemony: Failure of Three Decades of US Intervention in the Region. Khamenei.ir. 2023 // <https://english.khamenei.ir/news/9748/Shattered-hegemony-Failure-of-threedecades-of-US-intervention>.
16. **Nicole Grajewski.** Iran's Hormuz Peace Endeavor and the Future of Persian Gulf Security. European Leadership Network (ELN). 2020 // <https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/irans-hormuz-peaceendeavor-and-the-future-of-persian-gulf-security/>.
17. Purification' Rages on across Iran's Government, Spreads to State TV. Iran International. 2023 // <https://www.iranintl.com/en/202306306910>.
18. Review of Seventh National Development Plan Completed in Constitutional Council Tehran Times. 2024 // <https://www.tehrantimes.com/news/493669/Review-of-seventh-National-Development-Plan-completed-in-Constitutional>.
19. **Reza Soleimani.** Discourse Analysis of the Foreign Policy of Ebrahim Raisi Government. Strategic Studies of Public Policy. 2022. No 12. Issue 44.
20. **Saheb Sadeghi.** Meet Iran's New Foreign Minister: Qassem Suleimani's 'Soldier'. Foreign Policy. 2021 // <https://foreignpolicy.com/2021/09/17/amir-abdollahian-iran-foreign-minister-suleimani/>.
21. **Simon Speakman Cordall.** Credibility at Stake: Why Did Iran Strike Inside Pakistan amid Gaza War? Al Jazeera. 2024 // <https://www.aljazeera.com/news/2024/1/19/credibility-at-stake-why-did-iran-bomb-pakistan-amid-gaza-war>.

22. The Secretary of the Security Council Announces His Position on the Developments in the Region in a Meeting with His Armenian Counterpart. Donya-e-Eqtasad. 2023 // <https://donya-e-eqtasad.com/fa/tiny/news-4006728>.

JAVAD ZERAAT PEYMA

PhD student at the Department of Political Science of Institute of history and policy of Moscow State Pedagogical University, Tehran, Iran

ON CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF IRAN'S DOMESTIC AND FOREIGN POLICY

In recent years, taking into account the evolutionary processes of Iran's domestic and foreign policy, significant changes have led to structural transformations. The structural and procedural changes in Iranian foreign policy have significant implications for Iran's international relations, both regionally and globally. The author identifies and substantiates four structural transformations of foreign policy: normative, institutional, functional and personal changes within the trends of centralization, authoritarianism and militarization.

Key words: foreign policy, foreign policy, Iran, regional policy, structural transformations.